Слева: Кафедральный собор – символ Кенигсберга. Справа: могила И.Канта.

Россия
Калининград
Другой театр
Аллы Татариковой-Карпенко

Театральная погода в городе, где всегда дождь

Калининградским театрам чрезвычайно повезло: четверть жителей этого города преданно любит театр, а потому все восемь местных театров живут в счастливом режиме аншлага. Открытие театрального сезона празднуют здесь с большим энтузиазмом, нежели сезона охотничьего. В непреодолимой любви калининградца к театру есть и свои минусы – например, всеядность: калининградец с тою же доверчивостью устремляется на "попсу", как и на истинно событийные явления.

Впрочем, угар в конце концов рассеивается, и на театральном ландшафте остаются такие глыбы, как "Царь Федор Иоаннович", 20 лет не сходящий с афиш калининградского "Большого" – областного драматического театра, которым руководит народный артист РФ Николай Петров.

◆

Спектакль "Царь Федор Иоаннович" по трагедии А.Толстого давно пережил своего режиссера-постановщика Эмиля Вайнштайна, художника-сценографа Генриха Левковича, актеров, которые были заняты в премьере. Время лишило спектакль прежней терпкости, яркости, но возместило потерю новым качеством – философской глубиной. Спектакль по-прежнему потрясает и просветляет, вновь и вновь в муках рождая ту мудрость, что нет и не может быть истины вне добра.

Урок – один из самых трагических в истории России. Роль царя Федора [illegible], в мировой драматургии немного таких – счастливый шанс для актера (конечно, при условии мощного режиссерского потенциала). Много в ней заложено – и мудрость, несовместимая с печалью, и детская чистота, и готовность к жертве за все чужие грехи (бесконечно повторяющаяся на Руси история Распятого, но в новых лицах, в новых лихолетьях). Николаю Петрову, получившему этот шанс, удалось и через 20 лет соблюсти чистоту образа, он все так же переворачивает душу зрителя, проникаясь сущностью одного из самых русских, светлых, великодушных образов отечественной драматургии. Конечно же, такая роль – и крест, с которого сойти совестно, однако и пребывать на нем больно. Есть и другие неудобства: после царя Федора негоже играть поп-арт etc.

Царя Федора – Петерова уравновешивает его антипод – Борис Годунов в исполнении Тахира Матеуллина (тоже народного артиста РФ). Его Годунов – не модное воплощение Иосифа Виссарионыча, он по-современному прагматичен, просвещен, он знает, "как надо", он бесстрастен (страсти перегорели, оставив обугленную схему, идею, "цифровое облако", но порой ветер оживляет уголь, прикрытый золой). Со временем спектакль выцвел, как старый гобелен, царь Федор и Борис Годунов – единственно яркие в нем фигуры, остальные – тени, призраки, но и в этом есть своя прелесть: они словно посланы святому царю во искушение, в том числе и во искушение добром. Что может быть мучительней! Злом оборачивается каждая попытка привнести в мир прощение, мир, любовь, и в прах рассыпается все, о чем молит под колокольный набат поверженный царь: "Добра! Добра!!! Добра!!!" С тем мучительным противоречием и остаешься посреди все той же России.

Спектакль требует от зрителя [illegible] соборчества, он труден, но к нему [illegible], как возвращаются к Святому причастию.

Третий сезон бок о бок с "Большим" сосуществует Другой театр Аллы Татариковой-Карпенко, единственный, пожалуй, театр в России, который живет, невзирая на моду, Серебряным веком. Его репертуар, созданный в эстетике русского ренессанса, – это "мистификации" по мотивам Гумилева, Ахматовой, Есенина, Георгия Иванова, Чаянова, Сомова, Врубеля, Бенуа, переплавленные в драматическую форму Валерием Гитом и Аллой Татариковой-Карпенко. Всего шесть спектаклей – "Асмодеева кукла" (Гит – Чаянов), "Ида" (Гит – Георгий Иванов), "Черный человек" (Гит – Есениниана), "Иллюзии акме" (Гит – Гумилев), "Маски герцога Лоренцо" (Гит – Леонид Андреев), "Нездешние сны" (Гит – Ахматова, Брюсов, Белый, Сомов).

Пожалуй, из них "Асмодеева кукла", которой открылся сезон в Другом театре, – самый трудный. История любви восковой куклы, в которую Асмодей вдохнул проданную душу загубленной красавицы (Юлия – Татьяна Слещенкова), и юного кавалера, готового сразиться с самим Князем мира (Владимир – Андрей Алексеев). Черная графиня (Эллина Капранчикова) повествует ее так искусно, что невольно упускаешь мгновение, когда фарфоровые статуэтки дам и кавалеров (да и ты сам) превращаются в живой пасьянс "Красное и черное".

Чья рука тасует карты? Кто играет нашими судьбами? От кого у человека может быть власть над другим человеком? Совладает ли этот человек с искушением властью? Сознает ли, что оружие, вложенное в его руки, роковым образом убивает и его самого, не только другого? И вправе ли всякий человек принимать такое оружие, такую власть? Вот такие вопросы в чуть ироничной изящной форме заданы участникам и свидетелям действа.

Спектакль, как и положено Серебряному, предельно эстетичен. Актеры молоды, хороши собой, пластичны (результат ежедневной 7-часовой репетиции и акробатических упражнений), беспрекословно подчинены невидимому кукловоду-режиссеру. Нервность, надлом, грация – чрезвычайно эротичны, как эротичны предметы роскоши. Но и эротика – трюк, с помощью которого режиссер увлекает в те пределы, где вам задают те самые недобрые вопросы про власть и ее атрибуты.

Абсолютно выверена и хореография (балет-модерн+рискованные позы итальянских граффити+Сомов с Бенуа), без которой спектакль потерял бы многое из своего очарования.

◆

Если в Москве создан театр Пелевина, то в Калининграде на один год существует театр Н.Птушкиной, воплощенный тандемом супругов Захаровых в частном предприятии "Зеркало". Спрос бойкий – иной спектакль (к примеру, "Что мне сделать, чтобы ты меня полюбил") обкатался раз двести. Так бы оно и шло, но Птушкина из строгого библейского текста об Иакове, Рахили и Лии с помощью Песни Песней и купринской "Суламифи" сотворила эротическую притчу "Овечка". Слог притчи неровен – то и дело в него проникают перлы из бульварных переводных романов, коих вслух лучше не произносить. Захаровы перед искушением не устояли – взялись за романтическую эротику. Тут свое черное дело сделал и Другой театр – Захаровы решили, что лишняя хореография не помешает, и год потратили на тренажерный зал (уж лучше бы это был балетный класс!). Недавняя премьера была зрелищем поучительным. Безусловно, слабый драматургический материал вместе с еще более слабой хореографией производил впечатление пародии. Приверженность к птушкинским творениям сыграла с "Зеркалом" недобрую шутку, сделав этот театр притчей во языцех.

Елена ЧИРКОВА

Культура. – 2001. – 18 – [illegible]